

КУЛЬТУРНЫЙ И ВИЗУАЛЬНЫЙ КОДЫ В АРХИТЕКТУРЕ

Жуков Д. Д.

кандидат технических наук, доцент
Полоцкий государственный университет

Брусочкин О. Ю.

студент
Полоцкий государственный университет

Статья посвящена роли культурного и визуального кодов в архитектуре. Представляется, что они являются основой развития традиционалистской линии в архитектуре. Расшифровка этих кодов позволяет глубоко познать психологическую сторону архитектуры. Вероятно, кодовый подход к зодчеству способен вместе с другими архитектурно-художественными подходами эффективно совершенствовать художественную сторону архитектуры. Поначалу в рамках кодового подхода логично черпать идеи из народного зодчества. Это означает не воссоздание старых хат и т. п., а тонкое преломление в архитектурных объектах характерных особенностей национальной культуры.

Ключевые слова: культурный код, визуальный архитектурный код, традиционалистская линия в архитектуре, психологическая сторона архитектуры.

Введение. К идеальной архитектуре не только можно, но и нужно стремиться. Понимая при этом, впрочем, что она всегда понимается и трактуется просвещенными людьми, среди которых мы видим в первую очередь теоретиков и практиков зодчества, неодинаково. Но существуют спасительные – если отрабатывать их до деталей – способы, позволяющие делать архитектуру бесспорно лучше, добиваясь гармоничного баланса между прочностью, пользой и красотой архитектурных объектов. Один из таких способов – искусное сохранение и развитие национально-культурной самобытности и традиций. Его можно условно назвать *развитием традиционалистской линии в архитектуре* [1]. Вообще, такая линия естественна, она изначально заложена в механизмы зодчества и позволяет создавать новое не с чистого листа.

Указанное развитие, кроме того, обогащает язык зодчества, противостоит бездумной коммерциализации архитектуры, способствует преодолению «болезней роста» индустриализации строительства, гуманизирует и гармонизирует архитектурные объекты и среду.

Архитектура – часть культуры. Укоренено их деление на две взаимосвязанные

части – материальную и духовную. Не все согласны с подобным дуализмом. Так, Ж. М. Вержбицкий пишет, что произведения архитектуры не могут одновременно принадлежать одной и другой части культуры; по его мнению, «искусство архитектуры – категория художественной культуры, и его основным качеством является художественность» [2]. Но в том и другом случае понимания архитектуры ее *родовым отличием* считается *духовность*, то есть объединяющие общество начала, которые применительно к зодчеству выражаются в художественных образах, отражающих моральные ценности и традиции.

Говоря о *преемственности культуры*, Е. М. Бабосов утверждает: «Своеобразие культуры как исторически определенного уровня духовного развития общества, творческих сил и способностей человека, воплощенных в многообразных формах и сферах его жизнедеятельности, идеалах и ценностях, заключается в неразрывной взаимосвязи традиции и новаторства» [3]. Очевидно, это в полной мере относится и к архитектуре, плодотворный рост которой немислим без наличия фундамента – того по крайней мере неплохого, что было и развивалось прежде.

Работа механизма преемственности в культуре объясняется так: «Основным способом сохранения и передачи культурных традиций нации, их непрерывного развития и обновления является ее культурный код» [3]. *Культурный код*, согласно тому же источнику, это отшлифованная веками исторического развития народа система уникальных архетипов, образов и ценностей, которые характеризуют его идентичность, менталитет и духовно-нравственные установки; именно культурный код

РАЗДЕЛ 1 ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ

определяет своеобразие национальной психологии, воздействующей на поступки и деятельность людей.

Понятно, что культурный код включает в себя и *визуальный архитектурный код*. Расшифровывая эти коды, зодчие могут более осмысленно и качественно создавать правильные, с точки зрения своих заказчиков в разных смыслах этого слова, объекты архитектуры. И, как вытекает из вышесказанного, без развития традиционалистской линии в этом деле не обойтись. Соответствующие вопросы и рассматриваются в рамках представленной в настоящей статье начальной стадии части теоретико-практического исследования, посвященного изучению психологической, эмоциональной стороны архитектуры и ее влиянию на результаты архитектурного творчества.

Основная часть. В последние три десятилетия благодаря появлению и становлению порой просто невероятных технологий (искусственный интеллект, 3D-визуализация и т. д.) визуальная сторона архитектуры совершенствовалась как никогда стремительно. И, как всегда бывало в переломные моменты существования зодчества, в очередной раз мы видим, как относительные, так и невозполнимые потери, которые оно несет как архитектурное искусство, не предающее забвению опыт предыдущих поколений. Невозполнимые потери выведем за скобки, сосредоточившись на неоднозначном.

Одна из относительных потерь – архитектура во многих своих проявлениях стала ориентироваться на создание едва ли не запредельно выразительных зрительных образов. Такие образы характерны для рекламной индустрии с ее нацеленностью на мгновенную и правильную с ее точки зрения реакцию зрителя. Как результат, здания превращаются в модные продукты, иные из которых мы вправе назвать зданиями-однодневками. Они не вызывают глубоких и искренних чувств. Напротив, облик традиционной деревенской постройки позволяет даже ощутить связь времен и свое место во вселенной. Так, С. А. Сергачев высказал такую мысль:

«Многие понимают под традицией формы крыш, окошки и т. д., но упускают самое главное. В народной архитектуре *нет глухостей*, там все продумано, обосновано. Сделано на первый взгляд совсем просто, но оно века просуществовало и до сих пор работает» [4, с. 10].

Другая из относительных потерь – современная архитектура, как и вся культура в целом, похоже, перенасыщена изображениями. По мнению Сьюзен Зонтаг (англ. Susan Sontag), существует образ мышления, благодаря которому человек видит окружающий его мир как подборку потенциальных фотографий: «Реальность все более становится тем, что нам показывает камера, а вездесущность фотографии оказывает неизмеримый эффект на нашу эстетическую восприимчивость» [5]. Отсюда восприятие многих плодов зодчества наших дней не как произведений искусства архитектурного, а визуального, изобразительного. В этом случае архитектурные элементы мира видятся как картинки, не транслирующие зрителям реальной пространственности, объемности, динамики.

Уберечь архитектуру от сползания в мир комиксов способна расшифровка и тонкий учет при использовании в архитектурном творчестве *кодов – культурного и визуального архитектурного*.

Оба кода (в большей степени второй) – относительно новые и недостаточно изученные научные понятия. Но их ценность подвергать сомнению не стоит, ведь они сулят лучшую расшифровку, структурирование и представление информации. Заметим, что культурный и визуальный архитектурный коды с целью упрощения выделения культурных констант и детерминант целесообразно делить на отдельные субкоды. Скажем, визуальный архитектурный код логично рассматривать как субкод по отношению к культурному коду.

Психолог Клотер Рапай (фр. Clotaire Rapaille) пишет: «Культурный код – это бессознательный смысл той или иной вещи или явления, будь то машина, еда, отношения, даже страна в контексте культуры, в которой мы воспитаны. ... Для всех

очевидно, что культуры разных стран отличаются друг от друга. Но немногие понимают, что именно поэтому люди разных культур по-разному воспринимают одну и ту же информацию» [6, с. 10].

Уместно привести в качестве примера культурного субкода графическую нотацию (обозначение) музыканта-синестета Энтони Брэкстона (англ. Anthony Braxton), композиция номер 364 f [7]. Он придумывал так называемые графические партитуры с целью визуализации звука. Музыка Брэкстона не проста, но графическая нотация позволяет ее не только понять, но и прочувствовать (рис. 1).

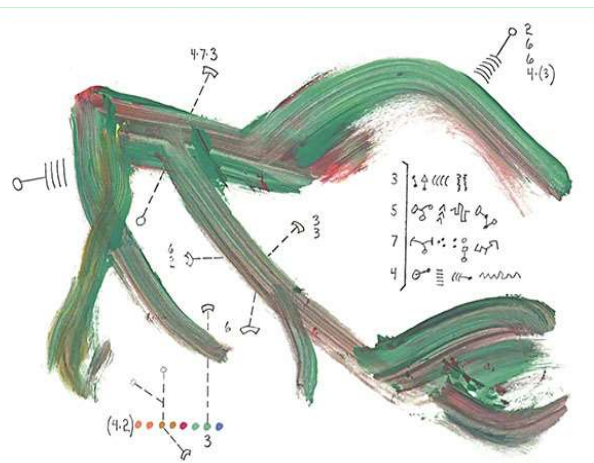

Рис. 1. Энтони Брэкстон.
Композиция номер 364f

У каждого человека на уровне бессознательного культура формирует свое пространство, оно включает в себя опыт, осознание текущей жизни и прогнозирование будущего. Данное пространство имеет своеобразный каркас – культурный код, состоящий из отдельных субкодов, благодаря которым понимается культура. Культурный код взаимоувязывает знак и значение, облегчает перевод номинаций в смыслы. Если код не расшифровать, культурное явление останется тайной за семью печатями. Знание культурного кода позволяет переводить глубинные культурные смыслы на уровень их понятийного выражения. Возьмем, к примеру, дресс-код. Он, будучи культурным субкодом, придает человеку определенный общественный статус.

Очевидно, дама в выходном наряде в ресторане, скорее всего, не пришла туда работать, а замеченная там же дама в униформе – не пришла туда развлекаться [8].

Что касается *визуального кода*, им можно обобщенно называть систему постижения на бессознательном уровне изображенных в том или ином виде культурных смыслов. *Визуальный код применительно к архитектуре* – это еще и взаимосвязанная совокупность интуитивно/архетипически понимаемых принципов и обычаев создания архитектурных объектов.

Отражение региональных и национальных традиций в архитектуре происходит разными путями. Но при этом так или иначе проявляют себя культурные и визуальные архитектурные коды, поддерживая естественную традиционалистскую линию в архитектуре. Приведем *три разновеликих по значению примера* реализации данной линии.

Среди работ японского архитектора Кендзо Танге выделяются два крупных спортивных зала в г. Токио (Япония), построенных к летней Олимпиаде 1964 г. на территории парка Ёёги. Этот комплекс вместе с парком образует единое архитектурное целое. И оба зала, и вспомогательные объекты расположены среди озелененных площадок, аллей и крытых переходов. При этом ничто не мешает любоваться двумя главными сооружениями. С точки зрения спортивной логистики композиция комплекса практически безупречна. При этом весьма успешно были решены архитектурно-художественные задачи. Эмоциональный образ среды парка ненавязчиво и гармонично перетекает на территорию футуристического творения Танге. Мы узнаем тут знакомые черты традиционного японского сада. Формы же двух главных сооружений напоминают традиционные японские крыши – вогнутые и устремленные ввысь, а также гору Фудзияму (рис. 2, [9, с. 168]).

Показательно, что Танге, будучи знатоком древнего японского зодчества, выступал против примитивного, неглубокого понимания традиционной архитектуры. В частности, он говорил: «Традиция ничего не гарантирует, ничего не создает. В наши дни

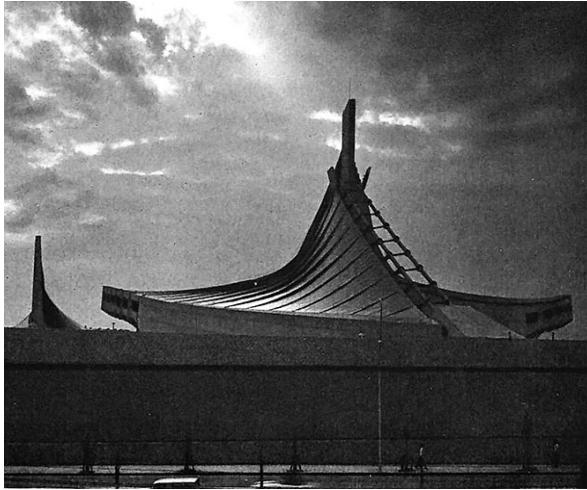

Рис. 2. Два олимпийских спортивных зала в г. Токио, архитектор Кендзо Танге

творчество выражено союзом техники и гуманизма. Традиция лишь катализатор, который активизирует химическую реакцию, а сама растворяется в ней. Традиция может участвовать в творчестве, но сама по себе не является созидательной силой» [9, с. 22].

В статье «Проявление традиционного китайского архитектурного языка в современной архитектуре» говорится, что зодчество наших дней – это и традиция будущего, и традиция прошлого [10]. Эта мысль будто бы пришла из двух строчек текста песни, написанной для советского кинофильма «Земля Санникова»: «Есть только миг между прошлым и будущим, и именно он называется жизнь». Нам таким образом намекают, что время постоянно течет и не останавливается, что настоящего, собственно, и нет, ибо прошлое без какого-либо заметного временного зазора сменяется будущим. Значит, ломать копыта насчет традиционного в современной архитектуре бессмысленно: прошлое так или иначе уносится в будущее. Другой вопрос, насколько верно и тонко это будет отражено в произведениях зодчих.

В упомянутой статье приводится пример создания современного объема архитектурного сооружения с традиционной китайской парадигмальной крышей. *Си Холл (Xi Hall)* – это культовое здание зального типа под названием «Парящие занавеси» (*Levitated Curtain*) для свадебных церемоний и массовых мероприятий (рис. 3).

Создатели этого уникального объекта обтекаемой формы вдохновились обликом традиционного жилья в южнокитайском районе Линнань. Горб в середине фронтона похож на ручку сковороды вок. Две одинаковые скатные стены-крыши защищают от ветра или огня внутреннее пространство здания и служат его основной несущей конструкцией. Между стенами-крышами с отверстиями находится гиперболическая изогнутая крыша. Эти три элемента темного цвета словно бы плывут и танцуют, как три занавеси. Когда дневной свет попадает в зал через светопрозрачные конструкции, кажется, что здание спокойно парит над землей. Когда наступает ночь и в зале включают свет, снаружи видится небесный фонарь Конгмин.

Рис. 3. Си Холл, say architects

В архитектурном курсовом проекте гаража-стоянки в г. Полоцке, выполненном в Полоцком государственном университете имени Евфросинии Полоцкой (автор Олег Брусочкин), предпринята концептуальная попытка создать художественный образ утилитарного сооружения за счет окружения его своеобразными металлическими перфорированными парусами (рис. 4). Это решение навеяно и работами известного всему миру дуэта мастеров техники «амбалляжа» Христо Явашева и его жены Жанны-Клод де Гийебон. Форме придана динамика, металлические паруса (они напоминают также волны) серебряного цве-

та символизируют герб г. Полоцка, на котором изображен трехмачтовый корабль, плывущий по серебряным волнам. Отверстия в металлических парусах не только формируют рисунок стилизованного белорусского орнамента, но и позволяют паркингу проветриваться. Предусмотрено, что по вечерам специальная подсветка будет делать художественный образ объекта более интригующим.

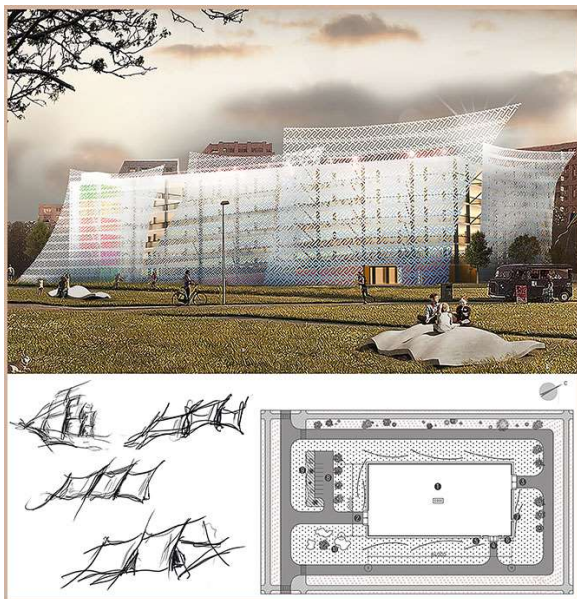

Рис. 4. Архитектурная концепция гаража-стоянки в г. Полоцке, студент Брусочкин О. Ю.

В каждом из трех примеров распознаются результаты как интуитивных, так и сознательных специфических творческих действий – расшифровки, учета и использования визуальных архитектурных кодов без примитивного цитирования традиции.

Заключение. Действенной основой развития традиционалистской линии в архитектуре (подразумевается прежде всего белорусское зодчество) представляются культурный код и визуальный архитектурный код, без расшифровки которых глубоко познать психологическую, эмоциональную сторону архитектуры затруднительно. Эти корректируемые временем коды, присущие коллективному бессознательному, существуют издревле и объединяют предпочтения в области культуры разных поколений людей, в том числе белорусов. Весьма во-

зможно, так называемый кодовый подход к зодчеству и идущему теперь с ним рука об руку дизайну архитектурной среды способен вместе с другими архитектурно-художественными подходами эффективно совершенствовать художественную сторону архитектуры. Поначалу логично черпать идеи из народного зодчества. Это, подчеркнем, означает не воссоздание старых хаг и т. п., а тонкое преломление в архитектурных объектах характерных особенностей национальной культуры.

Литература:

1. Шамрук, А. С. Концепция традиционализма в современной архитектуре Беларуси / А. С. Шамрук // Вестник Белорусского национального технического университета : научно-технический журнал. – 2008. – № 3. – С. 5–10.
2. Вержбицкий, Ж. М. Архитектурная культура. Искусство архитектуры как средство гуманизации «второй природы». – СПб : 1998 / Ж. И. Вержбицкий // ARCHI.RU [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://archi.ru/lib/bo-ok.html?id=2146064758&fl=5&sl=2>. – Дата доступа : 21.12.2022.
3. Бабосов, Е. М. Культурный код нации: сущность и особенности / Е. М. Бабосов // Наука и инновации. – 2016. – №3 (157). – С. 48–50.
4. Чувствовать дух места... / записала Валентина Мартинович // Архитектура и строительство. – 2012. – № 1. – С. 8–15.
5. Juhani Pallasmaa. *The Eyes of the Skin* (1996). § Juhani Pallasmaa. *The Eyes of the Skin: Architecture and the Senses*. Chichester: Wiley-Academy, 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://skladuma.softculture.cc/12-juhani-pallasmaa-the-eyes-of-the-skin-1996> – Дата доступа : 17.09.2022.
6. Рапай, К. Культурный код. Как мы живем, что покупаем и почему / К. Рапай. – М.: Альпина Паблишер, 2022. – 168 с.
7. Anthony Braxton. *Falling River Music* (364f), 2004 <https://www.artsy.net/artwork/anthony-braxton-falling-river-music-364f> [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://archi.ru/>. – Дата доступа : 21.12.2022.
8. Букина, Н. В. Культурный код как язык культуры / Н. В. Букина // Вестник ЗабГУ. – 2008. – №2. – С. 69–73.
9. Кензо Танге: Архитектура и градостроительство. 1949–1969 / сост. У. Культерман ; пер. с нем. Т. А. Трояновской. – М. : Стройиздат, 1978. – 255 с.
10. Xiaohang Hou. *The Manifestation of Traditional Chinese Architectural Language in Modern Architecture* [Electronic resource] : ArchDaily; December 14, 2022. – Mode of access: https://www.archdaily.com/993220/a-new-account-of-the-architecture?utm_medium=email&utm_source=ArchDaily%20List&utm_campaign=product&utm_term=classicdesign-withmodernmaterials&h=1,637,518&utm_source=ArchDaily+List&utm_campaign=3fe7578269-EMAIL_CAMPAIGN_2022_12_06_08_44_COPY_01&utm_medium=email&utm_term=0_-dadbb373c6-%5BLIST_EMAIL_ID%5D. – Date of access: 06.01.2023.

CULTURAL AND VISUAL
CODES IN ARCHITECTURE

Zhukau D. D.

Candidate of Sciences in Technology,
Associate Professor Polotsk State University
Brusochkin O. Y.

Undergraduate Polotsk State University

The article is devoted to the role of cultural code and visual code in architecture. It seems that they are the basis for the development of the traditionalist line in architecture. Deciphering these codes allows you to deeply understand the psychological side of architecture. Probably, the code approach to architecture is

able, together with other architectural and artistic approaches, to effectively improve the artistic side of architecture. At first, within the framework of the code approach, it is logical to draw ideas from folk architecture. This means not recreating old huts, etc., but subtle refraction in architectural objects of characteristic features of national culture.

Keywords: cultural code, visual architectural code, traditionalist line in architecture, psychological side of architecture.

Поступила в редакцию 15.01.2023 г.

УДК 656:711

БИОНИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТРАНСПОРТНЫХ СИСТЕМ ГОРОДОВ

Капский Д. В.

д-р техн. наук, доцент, декан автотракторного факультета,
Белорусский национальный технический университет

Богданович С. В.

канд. техн. наук, доцент, заведующий кафедрой «Транспортные системы и технологии»,
Белорусский национальный технический университет

Современный город представляет собой чрезвычайно сложный, саморазвивающийся организм, пытающийся сделать свою транспортную систему более устойчивой. Это становится еще более насущным в условиях пандемии. Поэтому, особенно в крупнейших городах, следует внедрять политику по бионическому развитию транспортных систем и применению естественных подходов для обеспечения эффективности городского маршрутного пассажирского транспорта, повышения мобильности и регулирования спроса, в том числе с учетом развития средств персональной (индивидуальной) мобильности. Поскольку проблемы развития и совершенствования транспортной системы городов и агломераций многогранны и носят мультидисциплинарный характер, то требуется координация усилий всех секторов экономики – государственного и частного. Как известно, данные сектора очень фрагментированы, имеют разные, порой противоречивые взгляды и цели, динамично реагируют на изменения, происходящие в городской (транспортной) среде. Поэтому решение проблем должно строиться на основе бионических подходов, очевидных и понятных, направленных на устойчивое развитие городской транспортной системы и города в целом.

Ключевые слова: бионическое развитие, мобильность, транспортная система городов.

Введение. Современный мир становится все более урбанизированным. В течение последних 100 лет мир пережил быструю урбанизацию [1]. Начиная с 2007 г. более половины населения мира живет в городах [2; 3]. Согласно докладу ООН, посвященному

изучению перспектив урбанизации, к 2050 г. около 70 % жителей нашей планеты будут проживать в городах, что создает новые вызовы к планированию городского пространства и стратегий бизнес-сообщества в плане обслуживания конечных потребителей (распределения товаров в розничных точках и обеспечение интернет-продаж) с одной стороны и обеспечения рабочей силой предприятий, планирование развития общественного транспорта как со стороны муниципалитетов, так и как совокупности коммерческих услуг (такси, аренда транспортных средств, коммерческие маршруты). При этом, согласно данным Всемирного Банка, именно города и мегаполисы генерируют 80 % глобального ВВП и являются центрами экономического и социального взаимодействия. Однако на них также приходится и около 70 % глобальных выбросов углерода и более 60 % использования ресурсов [4]. Продолжающийся рост городского населения повлияет на расширение городских территорий, что увеличит спрос на грузовой и пассажирский транспорт. Как известно, наука бионика призвана изучать аспекты, связанные с возможностью положительного влияния в результате применения природных процессов (структур, систем,